

Моя жизнь и судьба по велению Господа Бога

Родился я в Ленинграде в 1928 году на Петроградской стороне в обычной семье служащих. По рассказам моей матери фамильные корни нашей фамилии исходят из Тверской губернии. Своего отца мне не довелось увидеть, т.к. он был репрессирован еще до моего рождения. После родов мать находилась в тяжелом душевном состоянии. Врачи ее предупредили, что состояние моего здоровья не исключает летальный исход.

Мать пригласила на квартиру священника для моего крещения. Позднее она рассказывала, что в купели я «справил нужду». При этом священник сказал, что я проживу долгую и счастливую жизнь.

Кто-то из знакомых посоветовал матери отдать меня в клинику для экспериментов к немецким врачам. Не исключено, что именно они дали мне вторую жизнь и вытащили меня с «того света».

В 1936 году пошел на учебу в первый класс. До окончания 4 классов учился с удовольствием и испытывал интерес к гуманитарным предметам. В 20-ой неполной школе Петроградского района почти всегда избегал занятий по физкультуре, т.к. испытывал низкий уровень физической подготовки.

После начала Великой Отечественной войны, мать меня и бабушку отправила к бабушкиной сестре на 5-ю Советскую улицу, а сама с братом, Юрием Николаевичем, ушла на Ленинградский фронт.

Вскоре дядя погиб при штурме Пулковских высот, а мать получила ранение и была тяжело контужена.

В ноябре 1941 года меня с бабушкой перевезли в Калининскую область в деревню Медведное Косовогорского района. Там я жил у родственников отчима до 1945 года, работая в колхозе на ветряной мельнице, где мололи муку для фронта.

Следующий, 1942 год был не до учебы, так как фашисты захватили Калинин и остановились в 100 километрах от нашей деревни. Город горел сутками, а по нашей улице проходили обозы и постоянно двигались беженцы с детьми и со скотом.

В 1943 году я вновь пошел учиться в школу, которая находилась в семи километрах от дома, в деревне Сутоки. В военной обстановке документы не требовали, и я стал учеником шестого класса, миновав пятый. Двое откормленных Анатолиев, один — сын «мельничихи», другой — отпрыск обеспеченных выше крыши ворюг-интендантов, «заложили» меня администрации школы.

Мой дядя Юрий Николаевич

В соответствии с бессмертным законом исторического материализма, согласно которому «битье определяет сознание», пришлось объяснить им, что они заблуждались. «Детки» побежали в школу и сообщили директору, что все перепутали.

Чтобы не опаздывать на первый урок, нужно было отправляться в школу еще затемно. Обидно было возвращаться с многочисленными двойками. Получалось, что за семь километров ходил за двойкой! На моих плечах лежали большие обязанности по хозяйству. Вернувшись из школы, я принимался ухаживать за скотом, так как моя учеба никого не интересовала и считалась сугубо личным занятием. А в те дни, когда был ветер, работала ветряная мельница, и я шел таскать мешки с зерном, высыпал их в кузов, откуда зерно поступало в жернова и выходило в виде муки.

В семье, где я жил с бабушкой, было еще четыре парня и две девушки. Сестры Василия Ивановича, моего отчима, были очень трудолюбивыми, а их дети часто ленились. Вечерами, когда я приходил из школы, ребята уходили на «беседу» — так назывались посиделки под гармошку. Собирались парни и девчата, пели частушки и плясали, просто ночами бродили.

Я же практически был лишен ночного отдыха, постоянно ухаживал за скотом, чистил хлев, носил воду, доил коров, остальное свободное время работал на мельнице. Весной наравне с взрослыми пахал землю, а летом с четырех часов утра уходил на сенокос. За трудолюбие меня уважали и ценили местные колхозники, а моей мечтой в те годы было стать пастухом.

Были случаи, когда мне доверяли зимой на санях вывозить навоз на поля. Я легко справлялся с этим и очень любил запрягать лошадь и управлять повозкой. Учítывая, что навыков езды не было, случались и курьезы. Однажды при переезде через овраг мои сани перевернулись вместе с лошадью. При помощи взрослых удалось освободить лошадь от хомута и упряжки, а меня отстранили от «ответственных» работ. Отлучение всегда было недолгим. Мужское население уходило на фронт, и в деревне остался только один мужчина - горбатый Володя баянист.

Следующая неудача меня постигла при перевозке сена, которое мы возили за 25 км. из деревни Медведное до ст. Кесова гора. За несколько километров до разгрузки началась гонка между возами. Всем хотелось занять место в очереди и быстрее разгрузиться. Одна из повозок задела мою телегу, и переднее колесо моей повозки отлетело на обочину с частью оси. Пришлось перегружать сено по другим возам и волоком возвращаться домой на телеге, подвязанной на гнетень вместо колеса.

Последний раз мне довелось управлять повозкой при вступлении в Комсомол. Это был 1943 год. Немецкие войска уже захватили г. Калинин и приближались к Кашину, от которого до нашей деревни не более 40 км. Сутокская средняя школа рекомендовала меня и Валью Цареву для вступления в ряды ВЛКСМ и выдала направление в кесовогорский райком комсомола. Ранним утром в 6 утра, как и договаривались, я пришел в деревню, в которой жила Валя. Отец Вали в честь такого события запряг нам лошадь, и мы отправились на повозке в Кесово, где и были приняты в Комсомол. Настроение было праздничным. На обратной дороге говорили о многом и строили планы по уходу к партизанам, если немцы дойдут до наших мест.

** Сегодня многие пытаются отразить такие события в негативных цветах. Это был искренний порыв целого поколения. Он был светлым и незабываемым. Глумиться над этим большой Грех. Это равносильно «плясать» на могилах своих близких.*

Возвратившись назад, отец Вали – Иван Иванович Царев, который был председателем колхоза, разрешил мне на лошади ехать к себе в деревню и взял слово, что я пригоню повозку через два дня. Моему счастью не было предела. На следующий день, полный гордости, я приехал в школу на лошади. После окончания занятий даже довез до дома своего приятеля Мирона. Учтывая, что родители Вали снимали ей комнату в деревне, где находилась наша школа, возить ее домой не было надобности, вопрос возврата лошади немного затянулся. На пятый день моего «барской» езды при возвращении из школы нас с Мироном поджидали на дороге колхозные мужики. Мне удалось в суতোлке убежать, а Мирона крепко избили. Так закончилась мои конные истории. Здесь уместно вспомнить известную поговорку: *«Любишь кататься, люби и саночки возить»!*

В 1945 году (еще не закончилась Великая Отечественная война) приехала мать с фронта и меня с бабушкой перевезла в Ленинград. Мы поселились у бабушкиной сестры Лидии Осиповны, на 5-й Советской, в коммунальной квартире. Я опять батрачил за всех. Приходилось мыть полы, посуду, стирать, убирать мусор, стоять в очередях, участвовать в общественных работах по уборке города. Весьма неохотно, со скандалом, меня приняли в седьмой класс, так как школьников из деревни принимали на класс ниже. Я с трудом осилил школьную программу и был переведен в восьмой класс. Из восьмого класса меня исключили за хулиганство, которое заключалось в следующем: когда везли дрова для отопления школы, парень столкнул на улицу бревно из

машины, но я его не выдал. Директор Анатолий Павлович Исаев, очень хороший человек, долго пытался выяснить личность хулигана. Однако, не установив виновника, он избавился от меня.

Меня можно считать парнем улицы. Единственным моим занятием в то время был велосипед мамы женской модели, на котором я с утра до вечера колесил в парке имени Ленинского комсомола вблизи своего дома, у кинотеатра «Великан».

Однажды весной 1946 года через парк проезжала группа спортсменов-велосипедистов. Увидев меня и других «неорганизованных» велосипедистов, сбивающих друг друга, старший, человек уже в возрасте, подозвал меня к себе. Я подошел к нему и рассказал, что мать работает ночами, отца нет, восьмой класс не окончил. Константин Аркадьевич Пигулевский сыграл заметную роль в моей жизни: приобщил к большому спорту, буквально вырвал из маргинальной среды улиц и подворотен.

Позже я узнал, что он являлся одним из создателей отделения велосипедного спорта в Высшей школе тренеров при Институте физической культуры имени П. Ф. Лесгафта. По его совету я приехал в институт на медицинский осмотр. Документы за десятый класс мне обещали продать недобросовестные преподаватели, однако ничего не получилось. Впрочем, как показали дальнейшие события, они и не понадобились бы, потому что на медосмотре меня забраковали по состоянию здоровья, признав потенциальным инвалидом: у меня обнаружили блокаду обоих ножек сердца. Так что мечта стать студентом на этот раз не суждено было исполниться.

Рижский дебют

Осенью начались занятия в школах и техникумах. Я же, не имея документов за восьмой и девятый классы, гонял на велосипеде по Пулковскому шоссе, где и встретился со спортсменами из спортобщества «Буревестник».

Меня пригласили тренироваться, выдали дорожный велосипед и поставили на питание. Помню, что проводилась велогонка отбора в команду для поездки на соревнования в г. Ригу, которые я выиграл. Поэтому я и был включен в команду.

Н.Бабанцев в Риге

В сентябре 1946 года состоялся мой рижский дебют в индивидуальной гонке на 50 километров с раздельного старта среди мужчин. За полторы минуты до меня стартовал Александр Демешко — заслуженный мастер спорта, преподаватель по лыжному спорту Института имени Лесгафта, чемпион Советского Союза по лыжным гонкам.

Многие известные в стране лыжники являлись мастерами велосипедного спорта: Таким был и А. Демешко. Соревнования проводились в центре Риги, в одном из живописных мест — Межепарке. Моим тренером в тот период был зав. кафедрой велосипедного спорта института П.Ф. Лесгафта Дмитрий Пантелеймонович Поляков. Он был в курсе, что у меня обнаружено серьезное сердечное заболевание — блокада обоих ножек сердца.

Подобный диагноз запрещает участие во всех видах спортивных мероприятиях. Однако, он скрыл этот факт от организаторов соревнования.

Дистанция 50 километров вещь серьезная. Стартовали через 30 секунд один за другим. Я еще не достиг совершеннолетия, а уже соревновался со 150 велосипедистами из пятнадцати Союзных республик.

Через 10 км, то есть, на втором круге дистанции, я догнал Демашко.

А дальше так и шли по разным сторонам трассы, не приближаясь друг к другу: велогонка была на время, индивидуальная.

В связи с победой в этих Всесоюзных соревнованиях я получил Серебряный кубок, грамоту и наручные часы. Александр Демешко занял второе место. Часы мы продали, а на вырученные деньги наняли карету в упряжке лошадей и весь день катались по Риге вдвоем, пили шампанское и любовались красотой города.

Вернувшись в Ленинград, по совету Демешко я вместе с Константином Аркадьевичем Пигулевским пошел к директору института, прославленному спортсмену, заслуженному мастеру спорта Ивану Исаевичу Никифорову. Узнав о моей победе, Никифоров обнял меня, искренне поздравил и заявил, что

возлагает большие надежды на молодых спортсменов, верит в мою восходящую звезду. Он отдал распоряжение зачислить Н. Ф. Бабанцева в Высшую школу тренеров на отделение велосипедного спорта без медицинского заключения, документов об образовании и вступительных экзаменов.

В 30-ти круговой групповой гонке с выбыванием на Дворцовой площади в 1948 году участвовали многие велогонщики города, но самыми серьезными претендентами на победу были двое: Исаак Давидович Куперман и заслуженный мастер спорта СССР Эдуард Борисович Черношварц. Эти гонщики имели опыт международных встреч на треке. Дворцовая площадь была переполнена зрителями. Не углубляясь в подробности, скажу, что велогонку я выиграл. Очень многие подходили ко мне с поздравлениями.

Присутствовавший на соревнованиях Виктор Иванович Якобсон, в прошлом чемпион Европы по скоростному бегу на коньках, в то время заведующий отделением велокопьебежного спорта в Государственном университете, пригласил меня на работу старшим преподавателем по этому виду спорта.

Вот тогда мне пришлось в Институте имени П.Ф. Лесгафта перейти на заочное отделение и совмещать учебу с работой.

В июле 1950 года я сдавал государственные экзамены в Институте физической культуры. Старался освободиться поскорее, так как предстояло участвовать в первенстве города на дистанции 200 километров с общего старта. Все прошло успешно. Закончив институт, тут же сел в «Победу», в которой находился мой гоночный велосипед, и помчался на Среднюю Рогатку (недалеко от Пулковского шоссе), где шла подготовка участников к старту первенства города. В тот день не удалось ни позавтракать, ни пообедать...

Со старта я сделал рывок, чтобы знать, кто из сильнейших гонщиков поддержит скорость. Вскоре образовалась группа сильнейших. На Пулковском шоссе стояли спортсмены «Трудовых резервов», которые уже поучаствовали в соревнованиях и находились на положении болельщиков. Эти ребята-ремесленники и передали мне пакет с котлетами и соком — часть своего обеда. Спасибо Маше Красавиной (в последующем она стала известным мастером спорта) — это она организовала мне питание. На последний круг в 25 километров мы ушли вперед, оторвавшись от ведущей группы гонщиков, с Павлом Тереховым, который предложил мне при подходе к Пулковской горе работать по 8 километров (то есть вести по 8 километров), быть лидером. Идти сзади или сбоку (в зависимости от ветра) легче, чем впереди. Я согласился и вел Павла по совести, однако он при подъеме на Пулковскую гору, отсидевшись у меня на колесе, внезапно сделал «выстрел» и рванул мимо меня вперед — пошел на отрыв.

Здесь же его фотографировал Виктор Набутов, считая, что мастер спорта, его одноклубник-динамовец, идет на победу в такой значительной гонке. Конечно, большого напряжения и воли мне стоило через несколько километров достать Терехова. Почти на второй пятикилометровой горе, сделав поворот, я

не стал выяснять причины подобного поведения, так как понял, с кем имею дело.

Студенты Института им. Лесгафта. 1950 г.

За два километра до финиша Павел начал ездить слева направо, то есть уже в коридоре зрителей и болельщиков. Я же при очередном витке рванул прямо на финиш, где играл оркестр и, оторвав руки от руля, промчался, не обращая внимания на догоняющего преследователя. Так была вырвана победа с достоинством и пренебрежением к обманщику.

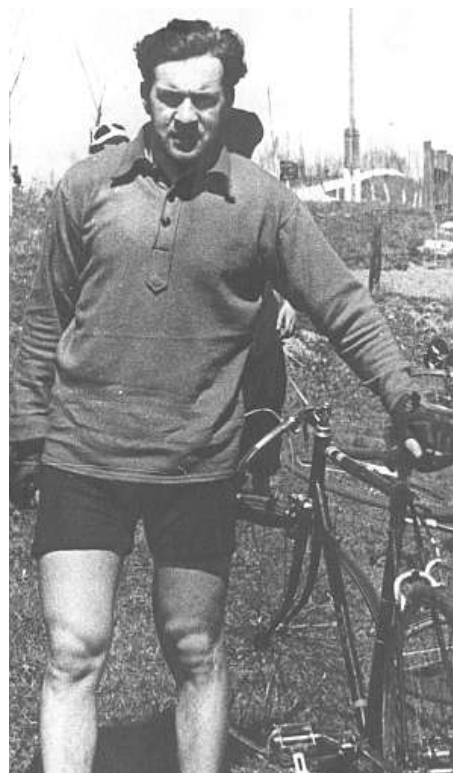
Первенство города на 1950 г.

Павел очень хотел победить, к тому же он был мастером спорта СССР, но, как говорят, «молодец среди овец, а против другого молодца и сам овца». Терехов написал протест, в котором требовал снять мой результат за якобы неспортивное поведение на финише. Однако судебная коллегия, состоявшая из именитых спортсменов, бывших чемпионов страны и Европы, понимала, чего стоит эта победа. Это же не соревнования на дистанцию сто или двести метров, а гонка на двести километров!

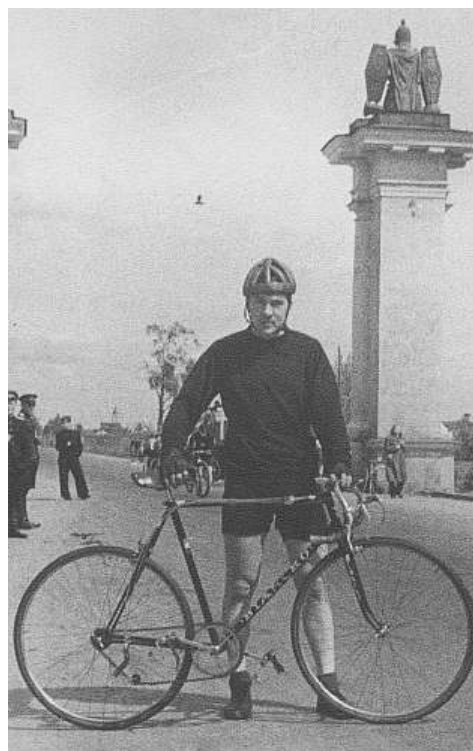
Г. Яковлев

Первенство города. 1950 г

С Виктором Набутовым мы познакомились на первенстве. Он вручил мне фотографию моего финиша, и мы остались друзьями на всю жизнь.

В 1951 году я вновь стал победителем первенства города на двести километров. Тактика была прежней. Со старта ушел, развив высокую скорость; те, кто способны были удержаться со мной, оторвались от других участников, продолжая работать поочередно и развивая скорость. Конечно, у отставших тоже была своя тактика: когда первые выдохнутся, мы их достанем. Но это тактика катальщиков, которые и на тренировках себя берегут. Таким образом, группа «надежды на будущее» пришла с получасовым проигрышем. На финише мне предстояла очень сложная борьба за первенство. Во-первых, всю дистанцию пришлось преодолевать под проливным дождем. Во-вторых, бороться довелось с самим Геннадием Яковлевым, мастером спорта СССР, сильным гонщиком, только что прошедшим многодневную велогонку Москва—Харьков—Киев—Минск—Москва расстоянием 3600 километров и занявшим третье место. Геннадий Яковлев был победителем велогонок прибалтийских республик, где соревновались такие гиганты мирового велоспорта, как Николай Матвеев, Хейно Рубель, Руди Тамм. И вот здесь, на финише, мне удалось опередить маститого гонщика лишь на полколеса! После бурного финиша и заслуженной победы ко мне подошел Павел Андреевич Терехов и сказал: «Прости меня за прошлое поведение, Николай. Ты действительно «ураган». Я перед тобой преклоняюсь». На что я ответил: «Жаль, что ты не участвовал сегодня, а то бы я и тебя заодно победил!»

После финиша. Перед стартом Гатчина—Ленинград.

1952, 1953 годы принесли победы на велотреке в соревнованиях на первенстве страны и также на шоссе.